

Б.М. Кондорский*

Революционный период в Китае

АННОТАЦИЯ: Революции в одной стране составляют революционный период, имеющий свои законы. Конкретные революции — лишь проявление этих процессов. Сделана попытка проследить и проанализировать основные этапы революционного периода в Китае, который начался в начале 20-го века и закончился в 90-е годы, дать оценку деятельности основных политических сил и их руководителей.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: революция, Китай, Синьхайская революция, Мао Дзэдун, культурная революция.

Революции (и последующие контрреволюции) в одной стране или группе близких стран, имеющих одну историческую судьбу, составляют революционный период (РП), как целостную систему в пространстве и во времени, имеющую свои законы. Конкретные революции суть лишь проявление этих процессов [25]. РП заканчивается тогда, когда ликвидируются все препятствия для свободного развития нации, когда в обществе создаются условия, исключающие возможность каких-либо революционных событий.

В Англии РП закончился Славной революцией, во Франции — Третьей республикой в 1871 году, в США — гражданской войной, в России и Китае — событиями конца 20-го века. Обращает на себя внимание синхронность революционных процессов в Германии и Италии вследствие сходства многих политических и экономических факторов. В обеих странах РП закончился поражением фашистских диктатур во время второй мировой войны. То же относится и к Японии.

Все страны, в зависимости от характера протекания РП, связанного, в первую очередь, со спецификой предыдущего исторического

* Борис Михайлович Кондорский, кандидат биологических наук; НПФ «Синбиас», г. Донецк, Украина. E-mail: bmkbbox@yandex.ru

развития, можно разделить на три основных группы — страны первой, второй и третьей генераций (СПГ, СВГ, СТГ). К первой группе можно отнести страны, где РП проявили себя раньше остальных государств — в Нидерландах, Англии, США, Франции. В каждой из этих стран революционный процесс имел свою специфику и развивался независимо от внешнего влияния. В СВГ революционный процесс начался в середине 19-го века. К этим странам можно отнести Германию, Италию, страны, входившие в состав Австрийской империи и Японию. И, наконец, к СТГ нужно отнести государства, где РП начался на рубеже 20-го столетия. Это Россия, Турция, балканские страны, Китай, Иран, Индия, Индонезия, Вьетнам. Отдельную группу составляют арабские страны. Здесь РП начался после Второй мировой войны. События Арабской весны как раз и стали проявлением этих революционных процессов [27].

Все РП имеют определённую совокупность признаков, характерную для всех стран — архетип РП. Характер проявления и развития этих признаков заметно отличался в зависимости от конкретных исторических условий. В свою очередь, можно говорить об архетипах частного характера, соответствующих СПГ, СВГ, СТГ. Это позволяет широко использовать сравнительный метод и привлекать для понимания революционных процессов в Китае аналогичные явления в России, Турции, Иране. На сходство революционных процессов в Китае и Турции обратили внимание ещё в 20-е годы [14].

Когда историки говорят о режимах, предшествующих РП, обычно используют термины «феодально-абсолютистский» или «феодально-деспотический». То есть подразумевается наличие феодальных отношений. Попытка разобраться — «а был ли мальчик», была недавно предпринята А. Чудиновым по отношению к предреволюционной Франции [54].

Феодализм как система появляется только после феодальных революций. Ни при Меровингах, ни в Древней Руси феодализма не было. Обычно эти периоды называют раннефеодальными. Но здесь больше подошёл бы термин — дофеодальный. Тем более, что собственно феодализм базировался на принципах, которые отрицали дофеодальные отношения. В основе феодализма, как политической системы, лежал общественный договор, который заключали лица самого различного происхождения с сельскими и городскими общинами. Феодал, получая суверенитет (властные полномочия) общины, был обязан защищать её и поддерживать на её территории порядок. Отношения между феодалом и членами общины носили не поземельный характер, а личный [16; 17]. Так называемая феодальная рента мало что имеет общего с капиталистической рентой и в

своей основе (архетипе) больше соответствует категории налога. Крестьяне обеспечивали феодала необходимыми ресурсами для поддержания его военно-политического состояния в рамках подвластной ему территории.

Постепенно, суверенные права феодалов начинают переходить к королю. Появляется класс (сословие) дворян, а король становится единым сувереном в государстве — абсолютным монархом. Это означает конец феодализма как политической системы. В Англии это процесс ускорила война Алой и Белой розы, устранив носителей собственно феодального сознания. Тюдоры и внешне и «внутренне» отличались от Плантагенетов. Это сыграло не последнюю роль в раннем появлении здесь капиталистических отношений.

В Китае не было классического феодализма. Здесь можно говорить о неполной феодальной революции. Система политического управления и социальная структура при Цинах ненамного отличалась от таковой в период Танской империи, где основными сословиями считались два: *богуань* («служилые чины») — вся совокупность гражданских и военных чинов, и *лянминь* («добрый народ») — крестьяне [8, с. 38]. По существу, основные функции европейского феодала в Китае выполняло государство.

Здесь можно конечно сослаться на довольно «затёртую» концепцию «азиатского» пути исторического развития, принципиально отличающегося от западного. Но в Японии формирование феодализма и его развитие (по крайней мере, до 17-го века) мало чем отличалось от европейского. Даже Эпоху воюющих провинций и войну Алой и Белой розы можно рассматривать как явления одного порядка.

В 19 веке основу сельскохозяйственного производства составляли арендные отношения. Не надо забывать, что в СТГ до 90% населения составляли крестьяне. Использование термина «феодальный» [20, с. 95] здесь не совсем уместно. Вследствие неполной феодальной революции мы имеем традиционную общину, которая принципиально (в плане своего архетипа) не отличается от таковой в древности. Земля принадлежит отдельным семьям. Глава семьи не мог продать имущество семьи без согласия остальных мужчин. Преимущественное право на покупку участка имели родственники [49, с. 274]. Здесь можно говорить о заметной ограниченности прав на землю [19, с. 41; 50].

Отношения между хозяином земли и её держателем регулируются обычаями. В деревне доминируют клановые отношения. Площадь клановых земель на Юге достигала 30–40% пахотных земель [49, с. 273]. Помещик обычно выступает в качестве главы господствующего клана [20, с. 103]. Практика приобретения земли *шэньши*, торговцами и ростовщиками, характерная для 19-го века, не приводит к

каким-либо заметным изменениям. Подавляющее большинство крестьян не могло стать товаропроизводителями, имея целью лишь пропитание [46, с. 103]. Товарно-денежные отношения носят внешний, зависимый характер. Увлечение некоторыми техническими культурами, которые пользовались спросом на внешнем рынке, приносило неплохой доход, но выращивание подобного рода культур служило обычно средством получения денег [36, с. 44], а не капитала. Следует отметить несовместимость конфуцианской идеологии с предпринимательством. Среди крестьян всегда доминировали антирыночные настроения [40, с. 20].

Деревня видела главным своим врагом государство и чиновников с их налоговым произволом. Даже в период массовых восстаний крестьянство не выдвигало требований перераспределения земли [5, с. 366]. Ещё в древности в рамках государства традиционная самоуправляемая община выступала как «чёрный ящик», связанная с ним через налоги и выполнение определённых повинностей. Похожая картина наблюдалась и в предреволюционный период. Определённый внутренний порядок поддерживался на основе клановых отношений. Кланов осуществляли контроль за нравами, поведением и соблюдением обычаев и наказывали провинившихся [49, с. 276].

В постреволюционный период стали рушиться патриархальные отношения. После падения монархии началось наступление не только на краткосрочную и бессрочную аренду, но и на институт «вечной аренды» — самой привилегированной и наиболее выгодной для крестьян. Снятие препоны для некоторого развития в деревне рыночных отношений, прежде всего стало «работать» на землевладельцев [39, с. 162, 163]. Арендная плата по-прежнему достигала 60–70% [59, с. 134]. Естественно, что это приводило к увеличению социальной напряжённости в деревне. Здесь нечто похожее на столыпинские реформы, которые не столько решили, сколько обострили проблемы в крестьянской среде. Нарушив существующее равновесие и расколов традиционную общину, реформаторы не предложили основной массе крестьян ничего взамен. Начался неуправляемый и неконтролируемый процесс разрушения общинного сознания, который добавил дополнительные «угли» в пожар будущей революции.

Процессы, связанные с превращением Китая в полуколонию были естественным процессом, обусловленным формированием сначала мирового торгового пространства, затем финансового. На рубеже 20-го века можно уже говорить о мировом геополитическом пространстве [29]. Все те явления, которые были характерны для Китая в его контактах с западными странами, точно таким же образом воспроизводились в Турции, Иране и, частично, России.

Здесь уместно заглянуть немного вглубь истории Китая. При династии Мин была предпринята попытка установления тесных торговых (и не только) отношений с другими регионами, в первую очередь со странами Южных морей, а также мусульманским миром. Достаточно вспомнить знаменитые экспедиции Чжэн Хэ. Строились корабли, которые по размерам и мореходным качествам заметно превосходили европейские того периода. Однако в силу определённых причин подобного рода «программа» была свёрнута. Китай упустил возможность создать «своё» геополитическое пространство на большей территории Азии. «Свято место пусто не бывает». В 16 веке в Индийском и Тихом океанах стали появляться португальцы, испанцы, голландцы: развитие их стран было бы невозможно без подобного рода торговой экспансии. В свою очередь, отсутствие со стороны Китая внешней активности, способствовало переходу его исторического развития в инерционный режим.

Однако в любом случае деятельность зарубежных компаний отнюдь не благоприятствовала укреплению национальной буржуазии и развитию капиталистических отношений. Хотя на этот счёт есть и другая точка зрения [42]. Здесь необходимо различать категории (понятия) «капиталист» и «буржуа». Буржуа — понятие социальное, капиталист — категория экономическая. Один и тот же человек как буржуа вынужден тратить деньги на поддержание своего престижа и имиджа сообразно положению в социуме, а как предприниматель — должен вкладывать свой капитал в дело [26]. В Китае, в отличие от Европы, явно доминировал социальный аспект.

Парадокс заключался в том, что во всех СТГ правящая элита создавала благоприятные условия для деятельности западных фирм и тесно связанных с ними компрадоров. Вследствие отсутствия в Китае каких-либо правовых гарантий для местных предпринимателей, те искали защиту от произвола властей у иностранного капитала [46, с. 197]. В Китае отсутствовало не только единое политическое, но и экономическое пространство. Провинциальная раздробленность отнюдь не способствовала консолидации национальной буржуазии. Обложение товарных операций внутри страны лиценziem сильно тормозило развитие общекитайского рынка. При перемещении товара в соседнюю провинцию его стоимость увеличивалась до 30% [55, с. 14]. Кстати, иностранные компании были освобождены от взимания лицензия [55, с. 15]. В отличие от Японии, здесь не сформировалась та критическая масса капитала, которая способствовала бы самостоятельному развитию здесь капитализма.

В СПГ промышленные революции носили самостоятельный характер. В СВГ они были уже обусловлены, в значительной степени,

сформировавшимся к середине 19-го века европейским экономическим пространством. В СТГ не было промышленной революции, была индустриализация под самым непосредственным руководством государства. В Японии наблюдалось сочетание того и другого. Кредитно-финансовые операции купеческих домов послужили источником накоплений, что способствовало быстрому образованию банков во второй половине 19-го века [23, с. 479]. Огромные денежные средства, полученные от правительства дайме (владельцами князями) и самураями, были вложены в промышленную и банковскую сферу [24, с. 60]. На начальном этапе инициатором строительства промышленных предприятий выступило государство, затем предприятия были проданы в частные руки, что сыграло важную роль в становлении крупной промышленности [24, с. 45, 46]. Всё это способствовало тому, что в Японии, в отличие от Китая, начался процесс самостоятельного капиталистического развития.

Французской революции предшествовал период Просвещения. То влияние, которое оказало Просвещение на умы, сознание значительной части населения не только Франции, но и других европейских стран и предопределило здесь революционные процессы. «Великие люди, которые во Франции просвещали головы для приближающейся революции, сами выступали крайне революционно. Никаких внешних авторитетов какого бы то ни было рода они не признавали. Религия, понимание природы, общество, государственный порядок — всё было подвергнуто самой беспощадной критике; всё должно было предстать перед судом разума и либо оправдать своё существование, либо отказаться от него» [58, с. 16].

Нечто похожее происходит в рассматриваемых нами странах. В годы, предшествующие РП в СТГ мы наблюдаем тех же разночинцев, что и в России. Отдельные «атомы», порвавшие с традиционным сознанием своего сословия, эти диссиденты, пассионарии образуют то, что можно назвать политической интеллигенцией (не путать с творческой). Учреждается множество газет и журналов, в той или иной степени оппозиционных существующему режиму. Возникает множество организаций как реформистского, так и радикального толка. Точно такие же процессы имеют место в это время в Турции [11, с. 124, 125] и Иране [15, с. 42, 43].

В РП можно выделить два основных этапа. Вначале революционные процессы происходят в рамках старой политической системы. Предпринимаются попытки решить накопившиеся проблемы путём учреждения конституции. Если существующий режим, трансформируясь, создаёт условия для развития капитализма, первый этап может продолжаться несколько десятилетий (как в Германии и Японии). В

СТГ отсутствовал какой-либо потенциал реальной трансформации старого порядка. Дальнейшее развитие было возможно только при условии разрушения не только политической системы, но и государства в целом. Что и имело место в Китае, Турции, России. Попытки реформ «сверху» в Китае в 1898 году закончились полным провалом. Партия реформистов «периода 100 дней» была заранее обречена на гибель. Её декреты и воззвания остались «гласом вопиющего в пустыне» [52, с. 11].

Синьхайская революция произошла, по существу, на основе старого сознания. Ведущую роль сыграли «новые» военные и члены различного рода тайных обществ [31, с. 4, 5]. Так же как и в других СТГ, старый режим вынужден был создавать условия для последующих революций. Формируя «новую армию» для укрепления своего господства, Цины создали в её лице опасную для себя силу, которая повернулась против династии [56, с. 205] (здесь уместна ассоциация с младотурками). Несмотря на то, что восстание готовилось давно и планомерно, в самый критический момент революционные организации остались без руководителей [22, с. 102, 103]. Тем не менее, в течение короткого времени революционное движение быстро распространилось на Центральный и Южный Китай, охватывая одну провинцию за другой [2, с.21].

Революция начинается независимо от сознания как правящей, так и оппозиционной элиты. Революция не есть результат заговора. Февральская революция застала врасплох как большевиков во главе с Лениным, так и буржуазию и её лидеров. «Никто из нас, — признавал в беседе с французским послом кадет В. Маклаков, — не предвидел огромности движения; никто из нас не ждал подобной катастрофы» [9, с. 589]. Когда общество готово, «созрело» для революции, достаточно одного толчка, чтобы пошёл процесс.

Что касается характера революции. Чаще всего используется термин «буржуазно-демократическая революция» [35, с. 79; 59, с. 7; 4, с. 91]. То есть здесь мы имеем своеобразную кальку с буржуазных революций в СПГ и СВГ. Действительно, во время Французской революции в Учредительном собрании и Конвенте несмотря на то, что предприниматели были в явном меньшинстве [54], эти учреждения действовали в интересах буржуазии. Был запущен процесс формирования во Франции капиталистических отношений. В период Реставрации политическое господство в стране принадлежало дворянству и духовенству. Однако экономика Франции продолжала развиваться по капиталистическому пути. Полностью осталось в силе буржуазное законодательство.

В Китае буржуазия отличалась политической слабостью, провинциальной разобщенностью, зависимостью от иностранного капитала, отсутствием способности мобилизовать общественное мнение вокруг своих основных требований [32, с. 45]. СТГ в РП так и не стали на путь классического капиталистического развития. Антикапиталистические тенденции были характерны для многих деятелей революционного процесса в Китае. В первую очередь это касается Сунь Ятсена [34].

Что касается демократии. Собственно демократия и гражданское общество появляются только после окончания РП, причём с учётом цивилизационной специфики страны. Например, в Турции, где революционный период закончился в 90-е годы, вышеперечисленные институты имеют исламскую составляющую, которая носит ещё более выраженный характер в Иране [28]. В РП все режимы, в той или иной степени, имеют черты диктатуры. Во Франции — Якобинская диктатура, Директория, диктатура Наполеона. Относительно либеральное правление Людовика XVIII сменилось диктатурой Карла X; на смену режима Луи-Филиппа, с элементами демократии, вновь пришла диктатура Наполеона III. РП и демократия — явления несовместимые. Веймарская республика, весь период своего существования находившаяся в состоянии перманентного кризиса, породила жёсткую национал-социалистическую диктатуру.

Так называемые «свободы», декларируемые первыми конституциями, в РП даже во Франции соблюдались с большой долей условности. В начале Французской революции был принят закон Ле Шапелье, запрещающий объединения рабочих в союзы, проведение стачек и устанавливал суровое наказание за его нарушение. Этот закон не был отменён даже при Якобинской диктатуре и сохранился без изменений в течение 70 с лишним лет, пережив все революции.

Первый турецкий конституционный монарх Абдул Хамид II, прозванный «Кровавым», установил режим полного произвола во всех сферах общественной деятельности. Слова «свобода», «равенство», «право», «конституция» были запрещены [11, с. 138–140].

Нечто похожее имело место в Иране [1, с. 63, 64]. В Китае Юань Шикай, будучи избранным парламентом президентом страны, уже через месяц распустил его. В стране усилился террор, начались массовые казни сторонников оппозиции [2, с. 104, 105].

Здесь больше всего подошёл бы термин «национальная революция» [12, с. 167]. Во Франции к началу РП было уже готовое национальное государство. Нужно было только сформировать политико-экономический базис нации. В СВГ формирование национального государства происходило уже в рамках РП (Германия, Италия). В

Японии в период сёгуната Токугава, под внешне феодальной оболочкой, шёл процесс формирования единой нации. В Китае строительство национального государства началось в период второго этапа РП (после революции 1925–27 гг.) и носило крайне болезненный характер, так же как и в других СТГ. Старое государство было разрушено, новое предстояло создать путём проб и ошибок.

В начале РП наблюдается резкая активизация народных масс. Во Франции этот период занял 5 лет до установления Директории. В Китае — был ограничен движениями «4 мая» 1919 г. и «30 мая» 1925 г. Если первое движение было вызвано внешними причинами [48, с. 54], то второе — уже сугубо внутренними. Бастовали не только рабочие, но и служащие банков, иностранных фирм и даже китайские полицейские селльментов [35, с. 36, 37].

Роль народных масс в революции — один из наиболее дискуссионных вопросов. Следует отметить, что под народными массами следует понимать ту часть общества, которая не относится к элите (а не просто беднейшие слои населения). Во время революции выступления народных масс носят революционный характер. Именно революционный, а не протестный, как во время обычных бунтов и восстаний. Во время революций народные массы являются преобразующей силой. Происходит необратимая трансформация общества, после которой не может быть возврата к прошлому.

Элита, в обычном понимании этого слова, во время революции отсутствует. Старая элита — или репрессирована, или находится в эмиграции, новая еще не сформировалась. Их место занимают политические силы, основная задача которых возглавить, организовать и мобилизовать народные массы, добиться их поддержки, получить кредит доверия. Во время Российской революции в этом особенно преуспели большевики (в отличие от буржуазных партий). Но в то же время, какие бы радикальные силы не возглавляли революционный процесс, в случае выхода масс из под контроля — принимались самые жёсткие меры. Создаётся впечатление, что в последующий период после Февральской революции либеральная буржуазия играла роль «пятого колеса». Поэтому нет ничего удивительного в том, что во время Октябрьской революции и последующей гражданской войны весь «клубок» противоречий, накопившийся за предыдущий период и мешавший развитию российского общества, был ликвидирован путем упрощения его структуры. Нечто похожее произошло и в Китае.

После того как во время революции 1925–27 гг. было полностью разрушено старое государство, дальнейший путь двух основных политических сил Китая можно представить в виде ломаной линии с многочисленными «аппендиксами». Это касается не только КПК, но

и Гоминьдана. Попытка создания «третьей силы» на базе интеллектуальной элиты, придерживавшейся китайской версии европейской буржуазно-реформистской концепции «государственного социализма» [3; 20; 56], закончилась ничем. На капиталистическом пути развития был «поставлен крест». Гоминьдан проводил антикапиталистическую (а не антибуржуазную) политику [38, с. 168] в духе этатических идей Сунь Ятсена. Сунь Ятсен называл капитализм уродливым явлением, большим злом [47, с. 144].

Оказывалось давление на предпринимателей, подавлялись их организации. Помещики и шэньши в сельской местности были поставлены под контроль партийных комитетов [45, с. 150]. Экономика принимает автаркический характер. Формируется система государственного капитализма, которая слабо была связана с рынком. К гоминьдановскому госсектору неприменимы понятия «капитал» и «буржуазия» [37, с. 388, 389]. Здесь следует обратить внимание на то, что использование понятия «буржуазия» в подобном контексте не совсем корректно.

В своей основе Гоминьдан был мелкобуржуазной партией. Будучи массовым движением, Гоминьдан объединял в своих рядах основные страты китайского общества, включая рабочих. Пестрота состава партии, столкновение противоречивых интересов представленных в ней социальных слоёв и групп вели только к её ослаблению [13]. Была даже предпринята попытка идеологической консолидации на основе создания внутри Гоминьдана организации фашистского типа — Фусиншэ («Общество возрождения») [43, с. 53].

Убеждённым сторонником и инициатором политики этатизма в Турции был Ататюрк, но придерживался несколько иных принципов. Этатизм мыслился как комплекс государственно-капиталистических мероприятий, нацеленных на создание государственного сектора экономики, действующего в тесном взаимодействии с частным капиталом в условиях свободы рыночных отношений [44, с. 52]. Понятие национальной экономики означает не замену частного предпринимательства государственным, а их сотрудничество, поскольку государственное вмешательство должно поощрять и укреплять частную инициативу [7, с. 300].

В поражении Гоминьдана не последнюю роль сыграл тот факт, что Чан Кайши, будучи мелкотравчатым политиком [18, с. 210], не был реформатором с «большой буквы». Чан Кайши не предложил китайскому народу никакой программы экономических и социальных преобразований [6, с. 367].

После мучительных поисков своего пути (включая союз с Гоминьданом) КПК к началу 30-х годов сделала окончательную ставку

на вооружённую борьбу, хотя ещё на 1-м съезде КПК основной целью была пролетарская революция в духе троцкистской теории перманентной революции [41, с. 63]. Основу Красной армии составляли крестьяне. При самом активном участии Мао Цзэдуна в «красных зонах» путём последовательной политической работы, а то и репрессий (известные события в Футяни в 1930 г.) было инактивировано традиционное сознание крестьян. Здесь я исхожу из концепции двух видов (двух составляющих) сознания [30]. В отличие от личностного, традиционное сознание не может меняться в течение жизни, его нельзя трансформировать посредством внешнего влияния. Можно говорить только о степени его активности. Это дало КПК идеальный «материал» для формирования боеспособной и дисциплинированной армии-партии. Была решена задача — превратить сборище плохо вооружённых крестьян и рабочих, бродяг и бандитов в монолитную революционную силу, способную противостоять превосходящему её по всем аспектам противнику [57, с. 180].

Подобного рода «операции» с крестьянством Мао неоднократно проделывал и после прихода к власти. Аналогичную политику проводил и Сталин, и в этом была жизненная необходимость для существующей политической системы. Тем более, что из крестьян СТГ, при всём желании, нельзя сделать фермеров американского типа или западноевропейское парцеллярное крестьянство.

Здесь уместно обратиться к нынешним событиям на Украине, где произошло резкая активация традиционного (этнического) сознания [28]. Во второй половине 17-го века подобное явление привело на Украине к 30-летнему периоду анархии, который историки называли «фуинами». В период гражданской войны — к махновщине (в широком смысле этого слова). В последних событиях на Украине ведущую роль сыграла массовая миграция сельского населения в крупные города в 60-е — 80-е годы. В Киеве сейчас не более 5% коренных киевлян в третьем-четвёртом поколениях. Более 80% нынешней украинской элиты (включая четырёх президентов) — выходцы из сельской местности. В арабских странах основой радикальных исламистских организаций стали недавно переехавшие из сельской местности люди [51, с. 169]. Забегая немного вперед, можно прогнозировать в Китае возможные социальные пертурбации в городах именно вследствие активизации традиционного сознания выходцев из села.

Что касается роли Коминтерна и его влияния на решения, принимавшиеся руководством КПК, то, как известно, уже на 1-м съезде КПК наметились разногласия по поводу союза с Гоминьданом [57, с. 112]. В дальнейшем, несмотря на неоднократные попытки представителей Коминтерна диктовать свою волю, в конечном итоге обе

стороны приходили к компромиссному решению с учётом китайской специфики, и немалую роль здесь сыграла активность и настойчивость Мао Цзэдуна — в частности, в вопросе создания КПК своей армии, с чем в конечном итоге согласился Сталин [57, с. 164]. Здесь надо учитывать и тот факт, что так называемые «возвращенцы» (китайские коммунисты, учившиеся в Советском Союзе) и доминировавшие в партии в первой половине 30-х годов, в конечном итоге оказались на периферии руководства КПК. Мао был марксистом, но глубоко укоренённым в китайской традиционной культуре [33, с. 194]. Именно учёт цивилизационной специфики Китая позволил КПК одержать верх над Гоминьданом. Подобного рода фактор доминировал и в других СТГ. Сталинская теория самодовлеющего развития аккумулировала традиционные ценности политической культуры России. Сталинизм явился логическим результатом дальнейшего приспособления марксистской теории к специфическим условиям России [41, с. 122, 123].

Как уже говорилось выше, РП имеет свои законы. Победу одерживала обычно политическая сила, руководители которой интуитивно чувствовали эти законы с учётом специфики конкретной страны. Революционный процесс развивается по объективным законам. Революция сама формирует её лидеров, трансформирует их сознание. Ни Дантону, ни Робеспьеру в начале революции даже в самом страшном сне не могло присниться, что через четыре года они будут голосовать за казнь короля. Никакие внешние силы не могут оказывать какого-либо определяющего влияния на эволюцию сознания.

Более двадцати лет истории КНР прошли при «органическом» руководстве Мао Цзэдуна. Дело в том, что к этому времени Мао из личности превратился в явление. Он уже не просто руководитель партии и государства, а органическая часть государственно-партийного «тела», его голова. Ни партия, ни тем более государство сами по себе, вне власти Мао Цзэдуна, просто не существовали [10, с. 6]. Кстати, нечто подобное наблюдалось и в других СТГ в лице Ленина, Сталина, Ататюрка, Хо Ши Мина.

Мао Цзэдун был в первую очередь политиком макиавеллиского типа — таким, какими были Ришелье, Талейран, Бисмарк, Сталин, Черчилль. Кстати, если бы последний очутился на месте Сталина или Мао Цзэдуна, он действовал бы точно такими же методами. Мао Цзэдун обладал удивительным даром предвидения, твёрдыми убеждениями и уверенностью в собственных силах. Ему были присущи тонкая организация мышления и безошибочная интуиция [57, с. 252]. Мао чаще других был прав в дискуссиях о путях революции в Китае. Он лучше понимал душу и чаяния своего народа и меньше

оглядывался на зарубежный опыт. При этом не останавливался ни перед какими средствами, ни перед какими жертвами для достижения победы [6, с. 50].

Анализируя сущность событий, связанных с Культурной революцией, нужно иметь в виду, что внутренняя логика исторического процесса часто носит парадоксальный характер, неподвластный обыденному сознанию. Внешне всё выглядело как конфликт между партийным руководством в лице Лю Шаоци — Дэн Сяопина и Мао Цзэдуном [53, с. 534, 535]. Хотя не исключено, что существовал заговор во главе с мэром Пекина Пэн Чжэном [53, с. 534]. Лю Шаоци был официальным преемником Председателя, однако Мао панически боялся возникновения после его смерти китайского ревизионизма, как это случилось после смерти Сталина в лице Хрущёва. Развал Союза начался с его знаменитого доклада на 20-м съезде партии. Мао своим «звериным» чутьём предвидел возможные последствия этой «глупости», а говоря политическим языком — преступления. Второй «осиновый кол» был вбит уже Брежневым и Громыко после подписания Хельсинских соглашений. Естественно, что никто из них не хотел развала, но историческая логика заключалась в том, что в РП такие страны как Россия и, особенно, Китай просто не могут долгое время развиваться в инерционном режиме.

У Сталина Мао научился раз в 7–8 лет «перетряхивать» руководство партии и государства, устраняя при этом потенциальных соперников [6, с. 84]. Начиная Культурную революцию, Мао исходил из принципа «без разрушения нет созидания». Он пришёл к решению, которое выражалось формулой: «Только устроив великую смуту в Поднебесной, можно впоследствии создать там порядок» [33, с. 19]. Мао считал, что в партию, правительство, армию и круги деятелей культуры проникло большое число представителей буржуазии и «контрреволюционных ревизионистов». Только начав великую пролетарскую «культурную революцию», можно было решить накопившиеся проблемы [43, с. 123].

Основной удар был направлен по идеологическим органам партии, представителям творческой интеллигенции [39, с. 554], то есть потенциальным носителям идеи «ревизионизма». По мнению Джеймс Цзесюн «культурная революция» была смелой попыткой прочистить мышление целой нации путём решительного наступления на ревизионизм и капитализм, попыткой Мао восстановить своё идеологическое руководство в партии [6, с. 164].

Можно со всей ответственностью утверждать, что если бы не было Культурной революции, не было бы современного Китая. Любая «перестройка» горбачёвского типа привела бы к развалу государства.

Решительные меры, направленные на подавление «майдана» в 1989, с учётом последних событий на Украине, носили более чем разумный характер.

Мудрость руководства КПК, в первую очередь в лице Дэн Сяопина, заключалась в том, что оно не пошло по пути Хрущёва, полностью сохранив авторитет Мао Цзэдуна в партии и государстве. В своё время Дэн Сяопин укорял советское руководство за осуждение культа личности Сталина, считая, что нужно было сохранить его репутацию [21, с. 11]. Современные либералы должны понять, что Сталин и Мао Цзэдун в своей деятельности подчинялись законам существующей политической системы и революционного периода. В свою очередь, попытки кардинального изменения политической системы могли привести к гибели государства. Сталин, в отличие от Бухарина, отвергал путь «ситцевой индустриализации» [6, с. 176]. По такому пути пошла Польша, и что стало с этим государством через две недели после нападения на неё Германии, мы знаем из истории.

В конце 90-х годов предпринимались попытки определённых кругов устроить исторический суд над Мао Цзэдуном, вынести ему объективный приговор [21, с. 261], что встретило решительный отпор со стороны руководства КПК, в первую очередь, в лице ветеранов партии. В своё время в России предпринимались довольно активные попытки устроить суд над КПСС. В конечном итоге это свелось бы к суду над самой Россией и ее историей и привело бы к расколу общества, анархии и смуте. Опять здесь, к сожалению, приходится вспоминать Украину.

Мао Цзэдун как-то сказал: «Только когда мы перегоним Америку, я предстану перед Марксом» [6, с. 377]. Учитывая нынешнее положение Китая и, главное, дальнейшие перспективы его развития, Мао может это сделать с чистой совестью.

Литература

1. Алиев С.М. История Ирана. М., 2004.
2. Белов Е.А. Революция 1911–1913 годов в Китае. М., 1958.
3. Белоусов С.Р. Китайская версия «государственного социализма» (20–40-е годы XX в.). М., 1989.
4. Березный Л.А. Об основных этапах революционного процесса в Китае в первой половине XX века // Новое в изучении Китая. М., 1988. С. 85–92.
5. Бокщанин А.А., Непомнин О.Е., Степугина Т.В. История Китая. М., 2009.
6. Бурлацкий Ф.М. Мао Цзэдун, Цзян Цин и Советник Дэн. М., 2002.
7. Владимирский А.В. Великий Ататюрк. М., 2014.
8. Всемирная история. Т. 3 / под ред. Н.А. Сидоровой. М., 1957.
9. Всемирная история. Т. 7 / под ред. А.А. Губера. М., 1960.

10. Галенович Ю.М. Смерть Мао Цзэдуна. М., 2005.
11. Гасратян М.А., Орешикова С.Ф., Петросян Ю.А. Очерки истории Турции. М., 1983.
12. Глунин В.И. Китайская революция: проблемы и решения // Народы Азии и Африки. 1969, № 3.
13. Глунин В.И. Политика Коминтерна в Китае (1921–1927) // Коминтерн и Восток. Критика критики. М., 1978. С. 207–244.
14. Годес М. Что такое капиталистический путь и возможен ли он в Китае. Л., 1928.
15. Годс М.Р. Иран в XX веке. М., 1994.
16. Гуревич А.Я. Проблема земельной собственности в дофеодальных и раннефеодальных обществах Западной Европы // Вопросы истории. 1968, № 4.
17. Гуревич А.Ю. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970.
18. Далин С. Очерки революции в Китае. М., 1927.
19. Дацзышен В.Г. Новая история Китая. Красноярск, 2003.
20. Делюсин Л.П., Костяева А.С. Революция 1925–1927 г.г. в Китае: Проблемы и оценки. М., 1985.
21. Делюсин Л. Китай: полвека — две эпохи. М., 2001.
22. Ефимов Г.В. Буржуазная революция в Китае и Сунь Ят-сен (1911–1913 гг.). М., 1974.
23. История Японии: в 2 т. Т. 1: С древнейших времён до 1868 г. / под ред. А.Е. Жукова. М., 1998.
24. История Японии: в 2 т. Т.2: 1868–1998 / под ред. А.Е. Жукова. М., 1998.
25. Кондорский Б.М. Взгляд на некоторые события 19–20-го веков с позиций теории революционного периода // Проблемы геополитики, истории, международных отношений, государственной безопасности. Сборник статей международной конференции. СПб., 2014. С. 57–62.
26. Кондорский Б.М. Некоторые аспекты категорий «Социум» и «Общество» // Society, culture, personality. Current problems of socio-humanitarian knowledge. Prague, 2014. С. 13–15.
27. Кондорский Б.М. Некоторые теоретические аспекты революционных событий в арабских странах // XXVI Ливадийские чтения. Ялта, 2014. С. 31–32.
28. Кондорский Б.М. Попытка анализа причин кризиса на Украине на основе концепции этнического сознания и революционного периода // Личность. Общество. Государство. Проблемы развития и взаимодействия. 26 Адлерские чтения. Краснодар, 2014. С. 129–133.
29. Кондорский Б.М. Предпосылки Первой мировой войны с точки зрения концепции революционного периода (национальный аспект) // Первая мировая война и национальный вопрос. Сборник статей научной конференции. Пермь, 2014. С. 87–90.
30. Кондорский Б.М. Специфика исторического развития социумов тропической Африки в свете теории революций // XIII международная конференция африканистов «Общество и политика в Африке: неизменное, меняющееся, новое». М., 2014. С. 651–652.

31. Кузнецов В.С. Синьхайская революция в Китае // Вопросы истории. 2004, № 10. С. 3–21.
32. Кучумов В. Очерки по истории китайской революции. М., 1934.
33. Маомао. Мой отец Дэн Сяопин. «Культурная революция»: годы испытаний. М., 2001.
34. Меликсетов А.В. Социально-экономические взгляды Сунь Ятсена: происхождение, развитие, сущность // Китай: государство и общество. М., 1977. С.121–152.
35. Миф П. Китайская революция. М., 1932.
36. Непомнин О.Е. К вопросу о складывании экономических предпосылок революции 1911 г. в китайской деревне // Синьхайская революция в Китае. М., 1962. С. 33–50.
37. Непомнин О.Е. Директивно-распределительная система гоминьдана и концепция «бюрократического капитала» // XXVIII научная конференция «Общество и государство в Китае». М., 1998. Ч. 2. С. 384–390.
38. Непомнин О.Е., Меньшиков В.Б. Синтез в переходном обществе: Китай на грани эпох. М., 1999.
39. Непомнин О.Е. История Китая. М., 2011.
40. Панцов А.В. Из истории идейной борьбы в китайском революционном движении 20–40-х годов. М., 1985.
41. Панцов А.В. Тайная история советско-китайских отношений. М., 2001.
42. Перминова В.А. Иностранное вмешательство в Китае: угнетение или модернизация? // Синьхайская революция и республиканский Китай: век революций, эволюции и модернизации. М., 2013. С. 41–58.
43. Попов А.П. Политические системы и политические режимы в Китае XX века. М., 2007.
44. Розалиев Ю.Н. Мустафа Кемаль Ататюрк. Очерк жизни и деятельности. М., 1995.
45. Социальная структура Китая: XIX — первая половина XX в. / под ред. О.Е. Непомнина. М., 1990.
46. Социально-экономические и политические проблемы Китая в новое и новейшее время / под ред. Г.Д. Сухарчука. М., 1991.
47. Сунь Ят-сен. Избранные произведения. М., 1964.
48. Тихвинский С.Л. Путь Китая к объединению и независимости. 1898–1949. М., 1996.
49. Тяпкина Н.И. О традиционных социальных институтах китайской деревни первой половины XX в. // Седьмая научная конференция «Общество и государство в Китае» М., 1976. Т. II. С. 271–279.
50. Тяпкина Н.И. Ограничение прав собственности на землю в традиционном Китае // XXIX научная конференция «Общество и государство в Китае». М., 1999. С. 276–279.
51. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003.
52. Ходоров А.Е., Павлович М.П. Китай в борьбе за независимость. М., 1925.

53. Чжан Ю., Холлидей Дж. Неизвестный Мао. М., 2007.
54. Чудинов А.В. Французская революция: история и мифы. М., 2007.
55. Чудодеев Ю.В. Накануне революции 1911 г. в Китае. М., 1966.
56. Чудодеев Ю.В. Крах монархии в Китае. М., 2013.
57. Шорт Ф. Мао Цзэдун. М., 2001.
58. Энгельс Ф. Анти-Дюринг. М., 1951.
59. Юрьев М.Ф. Революция 1925–1927 гг. в Китае. М., 1968.

B.M. Kondorskiy*

Revolutionary period in China

ABSTRACT

Revolutions in one country create a revolutionary period, which has its own laws. Specific Revolution is a manifestation of these processes. We make an attempt to trace and analyze main stages of the revolutionary period in China, which started in beginning of the 20th century and ended in the 90s, to evaluate the activities of the main political forces and their leaders.

KEYWORDS

Revolution, China, Xinhai Revolution, Mao Zedong, Cultural Revolution.

* Kondorskiy Boris Mikhailovich, PhD in Biology, SPF "Sinbias", Donetsk, Ukraine. E-mail: bmkbbox@yandex.ru